АРХИВ «ЛГ»

«СВОБОДЫ ТОРЖЕСТВО!»

НОВОЕ О БЛОКЕ

«Александр Блок. Новые материалы и исследования» — так называется 92-й том «Литературного наследства» (орган Института мировой литературы имени А. М. Горького, главный редактор — член-корреспондент АН СССР В. Р. Щербина), в который войдут неизвестные ранее творческие, эпистолярные, мемуарные и документальные материалы, связанные с жизнью и деятельностью великого русского поэта.

О содержании четырех книг блоковского тома рассказывают его редакторы И. С. Зильберштейн и Л. М. Розенблюм.

Блок — выдающийся художник слова, чье творчество стало завершением дореволюционного периода развития русской литературы, и одновременно — один из зачинателей поэзии новой, советской эпохи. С полным правом к самому Блоку можно отнести слова, сказанные им когда-то о другом выдающемся писателе: «Он — менее всего конец, более всего — начало». Блок — живое, движущееся явление современной культуры.

К публикации новых материалов о Блоке «Литературное наследство», созданное в марте 1931 года по инициативе И. С. Зильберштейна, приступило еще на заре своего существования. В 1937 году вышел в свет том 27—28, целиком посвященный писателям-символистам.

Здесь был напечатан обзор литературного наследия Блока, помещены его неизвестные тогда сочинения и рисунки. В 1978 году издан том 89 — «Александр Блок. Письма к жене», и, наконец, в канун пятидесятилетия «Литературного наследства» и к столетию Александра Блока большим коллективом исследователей (около восьмидесяти) создан блоковский том в четырех книгах, который, как мы надеемся, определит новый этап в изучении биографии и творчества Блока.

Первая книга тома открывается «Словом о Блоке» поэта С. С. Наровчатова. Далее, в разделе «Статьи и исследования», рассматриваются проблемы биографии, творческого пути Блока, закономерно приведшего его к революции, к созданию первой поэмы об Октябре 1917 года.

Значительное внимание уделено исследованию своеобразия мировоззрения и поэтики Блока, определивших его особенную роль в русском символизме и поиски новых путей в искусстве, его влияние на развитие отечественной литературы. Этим проблемам посвящены статьи Л. И. Тимофеева «Наследие Блока», З. Г. Минц «Блок и русский символизм», Е. Б. Тагера «Мотивы «возмездия» и «страшного мира» в творчестве Блока».

Одной из первых попыток рассмотреть художественный метод Блока в контексте историко-литературного движения XIX — начала XX века явилась статья Г. А. Гуковского «О художественном методе Блока», написанная в 1946 году специально для «Литературного наследства» и впервые появляющаяся на страницах настоящего тома. В заключение печатается статья М. Ф. Пьяных «Блок и советская поэзия».

Весь раздел в целом представляется своего рода литературоведческим введением, помогающим, так же как вступительные статьи и комментарии к отдельным публикациям, пониманию огромного, многообразного и сложного документального материала впервые публикуемого в томе.

ТВОРЧЕСКИЕ АВТОГРАФЫ

В настоящее время неизданные, сохранившиеся лишь в рукописи произведения Блока представляют исключительную редкость. Читатели, несомненно, обратят внимание на публикацию «детской прозы» Блока в сообщении М. И. Дикман. В детстве и отрочестве Блок писал короткие рассказы и стихотворения, составляя рукописные сборники, а затем — с четырнадцати до шестнадцати лет — «издавал» тоже рукописный ежемесячный журнал «Вестник» (1894—1897). Сочинения и рисунки юного Блока, его рано пробудившийся интерес к журнальной, редакторской работе важны для изучения творческого развития поэта.

Еще большее значение в этом отношении имеет неизвестное исследователям собрание автографов ранних стихотворений Блока, хранящееся в Государственном литературном музее и впервые «опознанное» и изученное Н. В. Котрелевым. До того как Блок начал печататься, он постоянно посылал свои стихи московским друзьям матери — Михаилу Сергеевичу и Ольге Михайловне Соловьевым, о которых впоследствии с особенной теплотой вспоминал в «Автобиографии». Первыми читателями и ценителями Блока были также сын Соловьевых Сергей, будущий поэт, и Б. Н. Бугаев (Андрей Белый). Стихи Блока бережно хранились, обсуждались, иногда переписывались — так сложилось «московское собрание» автографов Блока, содержащих немало существенных различий с окончательными текстами, что несомненно будет драгоценно для составителей готовящегося ныне академического издания сочинений поэта. Так, знаменитое стихотворение «Предчувствую Тебя. Года проходят мимо...» по «московскому списку», предшествующему окончательной редакции, имеет ряд существенных отличий: посвящение С. М. Соловьеву, четверостишия вместо двустиший и другие.

Таким образом, перед нами — неизвестное прежде обширное собрание текстов первого тома лирики Блока, бытовавших в среде его близких друзей.

Когда работа над блоковским томом «Литературного наследства» была уже близка к завершению, А. Н. Бойко посчастливилось сделать открытие: в одном из фондов Центрального государственного архива Октябрьской революции он нашел окончательный текст заметки Блока о Л. Толстом, написанной в сентябре 1908 года в связи с предстоявшим восьмидесятилетием великого писателя. До сих пор нам был известен незавершенный текст этой заметки. Но, как теперь стало очевидным, Блок продолжал еще работать над текстом, внес в него некоторые уточнения и только тогда послал для юбилейного сборника в комитет съезда представителей русской печати. В комитет входили А. М. Горький, Л. Н. Андреев, Г. В. Плеханов. Секретарем комитета был В. В. Водовозов. Сборник не вышел из-за решительного отказа Толстого от празднования юбилея, и заметка осталась в бумагах Водовозова. То, что Блок скромно назвал «Заметкой», есть, в сущности, афористически краткая по форме и глубоко значительная по мысли статья великого поэта о своем гениальном современнике. Вот ее окончательный текст:

«Заметка для сборника, посвященного Льву Николаевичу Толстому.

Толстой живет среди нас. Нам трудно оценить и понять это, как следует. Сознание того, что чудесное было рядом с нами, часто приходит слишком поздно. Надо помнить, что самое существование гения есть непрестанное излучение света на современников. Этот свет остерегает и близоруких от самых опасных мест. Мы сами не понимаем, что, несмотря на наши страшные уклонения от единственного пути жизни, мы еще счастливо минуем самые страшные пропасти; что этим счастьем, которое как бы всегда твердит нам: еще не поздно, — мы обязаны недремлющему солнцу Толстого; может быть, только ему.

Интеллигенту надо торопиться в юности понять Толстого, пока наследственная болезнь призрачных дел и праздной иронии не успела ослабить духовных и телесных сил.

Александр Блок»

«Непрестанное излучение света на современников» — в этом видел Блок главный нравственный смысл влияния гения на духовную культуру человечества. Понятиями «добро», «свобода» и «свет» определял он великие традиции русской литературы.

Это — пушкинское, завещанное всей русской литературе: «чувства добрые я лирой пробуждал», «в мой жестокий век восславил я свободу», «Да здравствует солнце, да скроется тьма!». Позднее, в статье «Интеллигенция и революция», Блок скажет: «Великие художники русские — Пушкин, Гоголь, Достоевский, Толстой... знали свет. Каждый из них, как весь народ, выносивший их под сердцем, скрежетал зубами во мраке, отчаянье, часто злобе. Но они знали, что рано или поздно *все будет по-новому*, потому что *жизнь прекрасна*». Себя самого Блок неизменно ощущал продолжателем этих традиций, мечтал, что именно так будет понят потомками:

Простим угрюмство — разве это
Сокрытый двигатель его?
Он весь — дитя добра и света,
Он весь — свободы торжество!

НЕИЗДАННАЯ ПЕРЕПИСКА

Публикация ранее неизвестной переписки Блока с двадцатью корреспондентами включает около 600 писем почти за тридцать лет — с 1892 по 1921 год.

Особый интерес, несомненно, привлекут письма к Блоку его отца Александра Львовича — профессора Варшавского университета, человека незаурядного и высокообразованного, который в свое время произвел ярков впечатление на Достоевского. При изучении семейной культурной традиции, которую унаследовал Блок, его биографы много и справедливо пишут о «бекетовской культуре» — о семье матери поэта, и очень мало — об отце.

Отец, с которым Блок был разлучен судьбой еще в раннем детстве, стремился, как показывают письма, не только к душевной, но и к духовной близости с сыном. Блок чувствовал это духовное родство и особенно остро ощутил его после смерти Александра Львовича в 1909 году. В беседах с учениками профессора Блока, в переписке с ближайшим из них—Е. В. Спекторским (письма поэта к нему публикуются в томе), при чтении книги Спекторского «Александр Львович Блок, государствовед и философ» (пометы Блока на ее страницах также приводятся) поэт все глубже осознавал то, о чем написал матери из Варшавы сразу же после похорон отца: «Все свидетельствует о благородстве и высоте его духа, о каком-то необыкновенном одиночестве и исключительной крупности натуры. Чувствую нежность к Спекторскому, который тоже впервые является как-то по-новому. Смерть, как всегда, многое объяснила, многое улучшила и многое лишнее вычеркнула».

В блоковском томе «Литературного наследства» впервые на большом неизданном материале раскрывается тема «Отец поэта» (в приложении печатаются письма Александра Львовича к родным и воспоминания о нем). Детальнее, чем это было до сих пор, выясняется творческая история поэмы «Возмездие», в которой, по собственному признанию поэта, выступает «тень отца».

Приводим письмо Блока к Е. В. Спекторскому от 12 декабря 1911 г.:

«Многоуважаемый Евгений Васильевич. Читаю Вашу прекрасную книгу об отце и имею потребность горячо пожать Вам руку и в качестве просто читателя, далеко не чуждого идеям и стилю книги, и в качестве сына А. Л., кровно связанного с его наследием, более, пожалуй, чем Вы это можете предположить. Не чувствуя себя вправе рецензировать книгу (это было бы с моей стороны поступком дилетантским), я предпочитаю познакомить Вас с моими мыслями о том же предмете при помощи своих литературных работ. Надеюсь, что мне удастся представить на Ваш суд и мою «тень отца» и другую ее «апологию», которая, увы, покажется кому-нибудь осуждением (без этого не обойтись), но будет для меня апологией, хотя и другого типа, чем Ваша, — «музыкальной» и, так сказать, «от противного». Сообщая Вам это, прошу Вас лучше не говорить об этом посторонним: лучше, чтобы иные не предполагали ничего биографического, если им и попадется когда-нибудь в руки моя будущая книжка.

Пока что я уже роздал 12 экз. Вашей книги. Между прочим, послал для отзыва в те места, куда предполагал, что Вы не пошлете (а между прочим, оттуда можно услышать что-нибудь важное): в «Логос» (с прибавлением книг отца), в «Русскую мысль» и С. А. Венгерову (для руководства при составлении статьи в «Нов. Энциклопед. Словаре», которая, очевидно, войдет в 6-ой том, имеющий выйти месяца через два). Еще кое-кому надеюсь я дать Вашу книгу; если у меня не хватит экземпляров, надеюсь позаимствовать у М. Т., которая едва ли может распространить их с особенной пользой, имея мало интеллигентского знакомства.

Преданный Вам Ал. БЛОК»

(Материалы об отце Блока подготовлены к печати Т. Н. Конопацкой, М. Б. Плюхановой и С. Б. Шоломовой).

В письмах Блока к другу его юности, товарищу по Петербургскому университету Александру Васильевичу Гиппиусу находим замечательные свидетельства о жизни и мировосприятии поэта в самом начале его литературного пути. 30 августа 1901 года Блок пишет из Шахматова:

«Дорогой Александр Васильевич, вышло недоразумение, Вы не получили еще моего письма. Запоздание его обусловлено редким посыланием на почту, а также моим выжиданием дня: часто выжидаю я, когда пройдет известный срок и совершится еще хоть небольшое событие (ожидаемое) и прибавит что-нибудь новое к настроению и к жизни.

И как-то весело и больно
Тревожить язвы старых ран...

Тогда пишу.

Пишу и стихи и письма к Вам. На этот раз я, кажется, выжидал очень мало, а потому письмо, должно быть, Вы уже получили теперь. Мы с Вами, я надеюсь, увидимся очень скоро, потому что мы с мамой выезжаем отсюда 6 сентября, значит, будем в Пб. 7-ого (это почти наверно). Нахожу, что нам пора уже возобновить личное знакомство и по-прежнему ограничиться краткими, но ясными открытыми письмами.

Мое лето кончилось — в главном почти без результатов — красиво, звучно, для меня приятно. Петербург представляется удивительно хорошим городом; все еще несколько жаль покидать Шахматово, хотя счеты с ним почти сведены, а все еще хочется «помедлить на этом пепелище моих надежд земных». Впрочем, «надежды и желания» не оскудевают.

Если Вам не лень, напишите еще раз, как Вы себя чувствуете во всех отношениях и окончательно ли довольны результатами лета. Я все-таки доволен, «скажу более» — если бы было в 100 раз хуже, — все равно был бы доволен, и даже не из-за одного мистического баланса, а просто потому, что известной стороне своей жизни роковым образом всегда приписываю доброе и счастливое. Осень теперь свежая, большей частью бодрая, а иногда и солнечная, желтеют деревья, воздух ясный и далеко видно; ходишь или ездишь по полям и все «выпеваются» какие-то стихи, какие-то мысли.

Успокоилось сердце мятежное
И земного блаженства не ждет.
Что-то тихое, светлое, нежное
Торжествует, звучит и зовет.

И не жаль уже ни весны, ни лета, потому что чувствуется скорое их зарождение.

Снова зверь во тьме возникнет,
Птица в чаще леса крикнет.

Очень ли Вам противен г-н Буренин по поводу «Мира искусства»? Мне очень.

Желаю Вам счастья и удачи, жму руку, до свидания в Петербурге.

Ваш Ал. Блок».

(В письме цитируются стихотворения Лермонтова и А. К. Толстого).

Но самое значительное место занимает переписка Блока с писателями, глубоко отражающая самобытный путь поэта, его идейные и эстетические искания (переписка с В. Я. Брюсовым, С. М. Соловьевым, С. М. Городецким, А. М. Ремизовым, Н. А. Клюевым, В. Пястом и др.). Во многих впервые публикуемых письмах корреспондентов Блока раскрывается содержание утраченной части эпистолярного наследия поэта. Некоторые из этих писем имели для Блока принципиально важное, иногда программное значение. Так, по письмам Н. Клюева, сохранившимся в архиве Блока, можно видеть, каким волнующим для обеих сторон был этот эпистолярный диалог, начавшийся осенью 1907 года (послания крестьянского поэта Блок цитировал в статьях 1907—1908 гг.). Известно, что в период после первой русской революции Блок мучительно искал путей преодоления разрыва между народом и интеллигенцией, эти его устремления нашли, видимо, глубокое выражение в письмах к Клюеву.

Вот как отразилось одно из них в ответе Клюева от 22 января 1910 года из деревни Желвачева:

«Здравствуйте, дорогой Александр Александрович. Получил Ваше письмо от 11 января. Оно резко, но не отличимо от прежних. Если бы Вы не упоминали почти в каждом письме про свое барство, то оно не чувствовалось бы мною вовсе. Бедный человек, в частности крестьянин, любовен и нежен к человеку-барину, если он за-одно с душой-тишиной, т. е. с самой жизнью, которую Вы неверно зовете елейностью. Эта тишина — жизнь во всех людях. Одна у бедных и неученых. Она сказывается в доброте, ласке, у иных в думах, больше религиозных, у иных в песнях протяжных, потому что так ощутительней она. Так поют сапожники за работой, печники, жнецы, ямщики и т. д. У ненуждающихся и ученых, когда наука просто надоест, а это в большинстве так и бывает, живущая в человеке Тишина проявляется (как это ни странно) тоже в думах. Но думы всегда певучи, красочны — отсюда музыка и живопись, и живопись и музыка вместе — это книги — проза и поэзия. Есть премия-картинка к Всеобщему календарю Сытина — «Свят. Николай спасает от смерти трех невинно осужденных граждан», прибавка «с картины Репина». Вероятно, эта картина нарисована наперво барином, но глядя на нее не помыслишь, что это затея, и как сквозь туман видишь не усы колечком, не гусиное мясо, а «Лик», беру на себя смелость прибавить: родной, общедушевный. (Чтобы полюбить, что за этой картиной, необходима тишина и в обыкновенном значении). В Питере мне говорили, что Ваши стихи утончены, писаны для брюханов, для лежачих дам, быть может это и так в общем, но многое и многое, в особенности-же «Тишина» их, какие-то жаворонковые трепеты, — переживанья мгновенные, общелюдски, присущи каждому сердцу. Ведь в тех же муках рождала и простого человека мать, так же нежно кормила у груди («пришлецы» из Неч[аянной] рад[ости]») и исчезает «род презренья», а уж «кто-то ласковый рассыпал золотые пряди, луч проник в невидимую дверь».

И Ваше жестокое: «Я барин — вы крестьянин» становится пустотой — «новой ложью», и уж не нужно больше «каяться» (что Вы каялись раньше мне почему-то не узнавалось). И верится, что во тьме лжи лучится правда (слова из вашего письма). Быть может, Вам оттого тяжело — что время летит, летит... или что я хорошо думаю о Вас, но не вскрывайте себе внутренностей, не кайтесь мне, не вспугивайте то малое, нежное, что сложилось во мне об Вас. Говорить про это много нельзя, иначе истратишь слова не сказав ничего. Понимаю, что наружная жизнь Ваша несправедлива, но не презираю, а скорее жалею Вас. Никогда не было в моих помыслах указывать Вам пути, и очень прошу Вас не считать меня способным на какое-либо указание. Желание же Ваше «выругать» не могу исполнить, — слишком для этого Вы красивы. Желаю Вам от всего сердца Света, Правды и Красоты новой, здоровья и мужества переносить наружные потери жизни. Крепко желается не забыть Вас. Не отталкивайте же и Вы меня своей, быть может фальшивой, тьмою. Сам себя я не считаю светлым и Вы не считайте меня ни за кого другого, как за такого же. Всякое другое мнение Ваше для меня тяжко. Если я Вас не огорчил этим письмом окончательно, — то не огорчитесь моей старой просьбой о книгах — стихов — Бальмонта, Брюсова, Сологуба, Гиппиус, какие Вам не трудно. Всего Вам светлого. Без презрения любящий Вас **КЛЮЕВ».**

Клюев чутко улавливает, что не собственная вина, а высокое чувство нравственной ответственности перед народом, которые испытывают лучшие деятели русской культуры, диктует Блоку эти признания. И он горячо возражает ему в другом письме: «В одном фальшь, что говорите, что я имею что-то против Вас за тяготение Ваше к культуре. Я не знаю точного значения этого слова, но чувствую, что им называется все усовершенствованное, все покоряющее стихию человека. Я не против этого всего усовершенствованного /.../, но я являюсь врагом усовершенствованных пулеметов /.../ верю в думы Ваши, чувствую, что такое «Суега» в Ваших устах». И еще: «Если бы Вы не упоминали почти в каждом письме про свое барство, то оно не чувствовалось бы мною вовсе».

Чрезвычайно интересны вызванные, несомненно, письмами Блока рассуждения Клюева о народности подлинного искусства и в этом смысле — поэзии самого Блока, имеющей «общелюдское» содержание, близкое «каждому сердцу». Ценность связки уцелевших 44 писем Клюева к Блоку тем более велика, что, к сожалению, письма Блока Клюеву до нас не дошли.

Из письма С. М. Городецкого Блоку от 28 июня 1906 г. нам впервые становится известно о чрезвычайно значительном, но не сохранившемся блоковском письме. Письмо было, очевидно, и публицистическим, и исповедальным в одно и то же время. Его тема — кризис символизма и провозглашение реализма, воплотившегося в произведениях Горького, единственно верным и плодотворным методом современного искусства. Это убеждение Блока было неотъемлемо от его веры в революционный путь развития России, в великие творческие силы народа. Именно так и понял его «манифест» Городецкий.

«Дорогой Александр Александрович, — писал он, — Ваше письмо — самое важное, что совершилось за последнее время в литературе. Его будут воспроизводить в историях литературы. Вы — последнее, что надо было своротить с места во что бы то ни стало. Это письмо — то, что я неминуемо ждал после «Балаганчика», подведшего итоги. Только я ждал сразу в поэзии, но так еще лучше, решительнее /.../. Наступает великое время, выходит народ. И этому времени свое искусство, тоже великое. Я не знаю, что такое символизм, но что какой-то круг завершен, это слишком ясно. /.../ Вчера <Вячеслав> Иванов сказал мне: «Смотрите, как Блок идет к реализму». Сегодня Вы пишете: «искусство должно изображать жизнь», «Фома» — последнее нужное произведение» /.../. Может быть, для Вас действительно дорога к большому искусству лежит через «реализм» /.../Вы были одним из ярких воплощений минувшего периода, теперь крутой поворот, теперь нет никакого сомнения в наступлении нового — после письма /.../

Очень хотел бы от Вас:

1. Более подробного выяснения «секрета» Горького.

2. Более подробного выяснения тезиса, что «искусство должно изображать жизнь» (поскольку Вы согласны с формулой: явление жизни — семя художественного произведения) «и проповедовать нравственность...».

(Письма Клюева к Блоку подготовлены к печати К. М. Азадовским, письма С. М. Городецкого — В. П. Енишерловым и Р. Д. Тименчиком, письма Блока к А. В. Гиппиусу — В. В. Вузник, Л. К. Долгополовым, В. А. Шошиным.)

Публикуемые документы дают возможность значительно полнее, чем прежде, представить, как формировалась в сознании Блока «концепция живой, могучей и юной России». «И если где такая Россия мужает, то, уж конечно... в сердце русской революции в самом широком смысле, включая сюда русскую литературу, науку и философию», — утверждал поэт.

ДАРСТВЕННЫЕ НАДПИСИ

В этом разделе впервые собрано свыше 380 надписей Блока, в том числе стихотворных, обращенных к ста сорока адресатам. Многие надписи никогда не публиковались — они были разысканы лишь при подготовке нашего тома в фондах государственных архивов и частных коллекциях. Работу эту начал замечательный энтузиаст — собиратель материалов о Блоке Н. П. Ильин, завершил ее А. Е. Парнис при участии других исследователей.

Надписи Блока, человека предельной искренности, чрезвычайно разнообразны по содержанию и форме, за ними, как правило, стоит определенный «сюжет отношений» поэта с данным адресатом, что по возможности полно раскрывается в комментариях. Обогащая биографию Блока множеством ранее неизвестных фактов, публикация одновременно выявляет творческое отношение поэта к самому жанру надписи как литературному документу.

Во Франции в собрании сына писателя Л. Н. Андреева Валентина Леонидовича, хранится надпись Блока на книге «Земля в снегу». (Третий сборник стихов. М., изд. «Золотое руно», 1908): «Многоуважаемому и дорогому Леониду Николаевичу Андрееву — искренне преданный Александр Блок. Ноябрь 1908. СПб.» Известный коллекционер, балетмейстер, Сергей Лифарь в 1978 году передал в дар И. С. Зильберштейну первую книгу Собрания стихотворений Блока («Стихи о Прекрасной Даме»), «Мусагет», 1911 с надписью поэту К. Д. Бальмонту: «Бальмонту. «L'idee pure, l'infini, j'y aspire, il m'attire...» («Высокой идеей бесконечности я дышу, она меня притягивает») — О, искавший Флобер, ты предчувствовал нас. От неизменного почитателя **Ал. Блока. СПб. 1911»** (Цитата из Флобера восходит к его письму Максиму Дю Кану от 7 апреля 1846 г.). Как известно, Флобер был одним из любимых писателей Блока, Блок **был** редактором издания его писем, которые перевела на русский язык мать поэта. Александра Андреевна замечала, что по характеру сын напоминает ей Флобера.

Впервые реконструирован по источникам полный текст несохранившейся надписи Блока Маяковскому: «Владимиру Маяковскому, о котором в последнее время я так много думаю. **Александр Блок.** 30 октября 1916 года. СПб.»

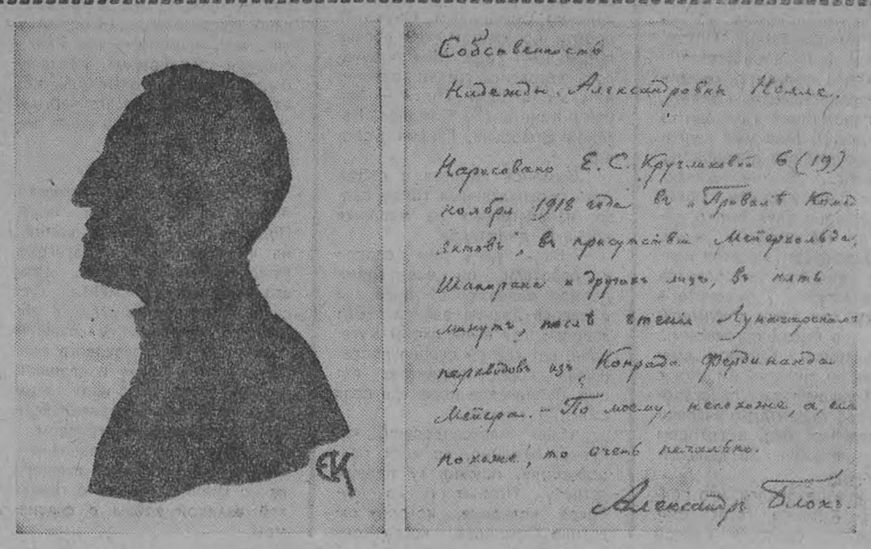
В собрании И. А. Фащевской, племянницы Любови Александровны Дельмас-Андреевой — оперной певицы, лирической героини блоковского цикла «Кармен», сохранились дарственные надписи поэта. Вот одна из них (на именном экземпляре второго издания поэмы «Двенадцать», изд. «Алконост», 1918):

«Любови Александровне Дельмас от ее неизменного поклонника. Если бы Вы и не сочувствовали этой книге, я все-таки хотел бы подарить Вам и ее, потому что Вы — артистка милостью божией — и, служа Новому Миру Вашим искусством, сжигаете старый мир Вашим огнем. **Александр Блок.** Январь 1919 года. Петербург».

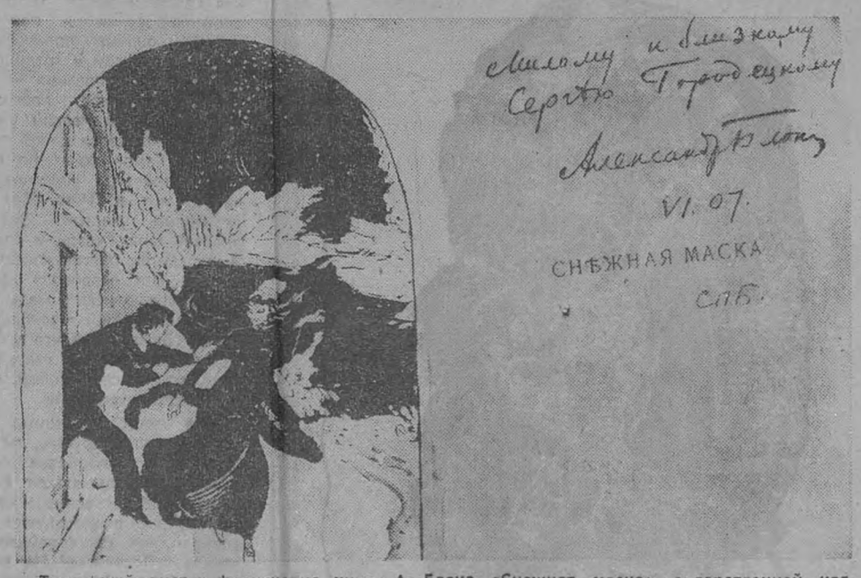
В Музее А. М. Горького в Москве, в личной библиотеке писателя сохранились все четыре тома «мусагетовского» издания стихотворений Блока (1916 г.). На третьем — дарственная надпись: «Максиму Горькому в знак давней любви и глубокого уважения. VIII. 1919».

И. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН,
Л. РОЗЕНБЛЮМ

(Окончание следует)



А. Блок. Рисунок Е. Кругликовой. На обороте силуэта — дарственная надпись А. Блока: «Собственность Надежды Александровны Нолле. Нарисовано Е. С. Кругликовой 6 (19) ноября 1918 года в «Привале Комедиантов», в присутствии Мейерхольда, Шапорина и других лиц, в пять минут, после чтения Луначарским переводов из Конрада Фердинанда Мейера. — По-моему, непохоже, а, если похоже, то очень печально. Александр Блок».



Титульный лист и фронтиспис книги А. Блока «Снежная маска» с дарственной надписью Сергею Городецкому. СПб. 1907.